

КОЛЛЕКЦИОННАЯ КНИГА. ПУЧШЕЕ

Издательство АСТ
Москва

Михаил Лермонтов

**Герой нашего
времени**

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ АВТОРА

УДК 821.161.1 (Лермонтов М.Ю.)
ББК 84(2Рос=Рус)
Л49

Художественное оформление *Алексея Родюшкина*

Иллюстрации *Михаила Лермонтова*

Благодарим за помощь в создании книги
Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова в Пятигорске
и лично И.В. Сафарову и Н.В. Маркелова

Лермонтов, Михаил Юрьевич.

Л49 Герой нашего времени : сборник произведений / М.Ю. Лермонтов; предисл. и подбор иллюстр. Н.В. Маркелов; худ. Михаил Лермонтов. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 256 с. (Коллекционная книга. Лучшее).

ISBN 978-5-17-165733-8

Лермонтов был связан с Кавказом всю свою недолгую жизнь и посвятил ему свои лучшие творения в стихах и прозе. Все примечательные места, которые посещал поэт, странствуя по кавказским дорогам, запечатлены на его живописных полотнах и многочисленных рисунках. Каждая встреча с горным краем дарил ему новое вдохновение. Здесь поэт провел свои последние дни, здесь пролилась его кровь, здесь он окончил свой яркий и трудный земной путь. За строками непревзойденных шедевров, написанных на Кавказе и о Кавказе — его драматическая судьба.

В эту книгу входит не только шедевр русской прозы «Герой нашего времени», но и поэмы Михаила Лермонтова «Кавказский пленник», «Мцыри», «Демон», а также его «кавказские» стихи, в том числе такие шедевры как «Валерик», «Сон», «Тамара» и другие. Все произведения иллюстрированы рисунками, шаржами и картинами М. Лермонтова

УДК 821.161.1 (Лермонтов М.Ю.)
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-165733-8

© Маркелов Н.В., предисловие, 2025
© Издательство АСТ, 2025

«Я сердцем твой, — всегда и всюду твой!..»

Кавказ в судьбе и творчестве М.Ю. Лермонтова

Лермонтов был связан с Кавказом всю свою недолгую жизнь и посвятил ему свои лучшие творенья в стихах и прозе. Все примечательные места, которые посещал поэт, странствуя по кавказским дорогам, запечатлены на его живописных полотнах и многочисленных рисунках. Каждая встреча с горным краем дарила ему новое вдохновение. «Мной овладел демон поэзии, сиречь стихов», — признавался он в одном из кавказских писем. Здесь поэт провел свои последние дни, здесь была пролита его кровь, здесь он окончил свой земной путь, полный мучительных раздумий и неразделенной любви. За строками таких непревзойденных лермонтовских шедевров, как «Валерик», «Завещание» и «Сон», стоит его драматическая боевая судьба.

**«ЕСЛИ БУДЕТ ВОЙНА, ИПЯНУСЬ ВАМ БОГОМ,
БУДУ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ»**

Друг детских игр, троюродный брат Лермонтова Аким Шан-Гирей вспоминал, что юный Мишель «лепил из крашеного воску целые картины». Иногда сюжетами этих картин служили эпизоды победоносных сражений Александра Македонского с персами.

По другим воспоминаниям, среди детских игр Лермонтову нравились те, «которые имели военный характер. Так, в саду у них было устроено что-то вроде батареи, на которую они бросались с жаром, воображая, что нападают на неприятеля».

Эти военные пристрастия опирались, несомненно, на родовую память будущего поэта. Его дальний предок, основатель рода Лермонтовых в России, шотландец Георг Лермонт был ландскнехтом и в период Смуты служил у поляков, но в 1613 году при осаде города Белого попал в плен и счёл за лучшее перейти в ряды московского войска, на «государеву службу». В русском обиходе стал называться Юрьем, получил чин ротмистра и принял смерть на поле боя под Смоленском, пролив свою шотландскую кровь за новую русскую родину.

Офицерами русской армии были отец, дед, прадед и прапрадед поэта. Дед по матери Михаил Васильевич Арсеньев, в память о котором Лермонтов получил своё имя, был капитаном гвардии, многие из его братьев — офицерами, а брат Никита имел чин генерал-майора. Александр, один из братьев бабушки Лермонтова, урожденной Столыпной, был адъютантом Суворова и оставил записки о нем.

Другой ее брат Николай дослужился до генерал-лейтенанта, еще один — Дмитрий — до генерал-майора, брат Афанасий, которого Лермонтов очень любил и называл «дядюшкой», получил золотую шпагу с надписью: «За храбрость», участвовал в Бородинском сражении. Губернёрами Мишеля были отставные наполеоновские гвардейцы: сначала Жан Капе, потом капитан Жандро, последнего мальчик «особенно уважал».

Сам Лермонтов, не окончив курса в Московском университете, восемнадцати лет поступил в петербургскую Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Размещалась она на набережные Мойки у Синего моста. Обучение длилось два года, соответственно существовало два класса: младший (второй) и старший (первый). Учащиеся, пехотинцы и кавалеристы, с самого начала значились по своим полкам: так, Лермонтов был зачислен в Школу унтер-офицером лейб-гвардии Гусарского полка и только спустя месяц переименован в юнкера, обмундирован по форме своего полка и представлен его командиру. В это время юный поэт писал Марии Лопухиной: *«До сих пор я жил для литературной карьеры, столько жертв принес своему неблагодарному кумиру, и вот теперь я — воин. Быть может, это особая воля провидения; быть может, этот путь кратчайший, и если он не ведет меня к моей первой цели, может быть, приведет к последней цели всего существующего: умереть с пулею в груди — это лучше медленной агонии старика. А потому, если будет война, клянусь вам Богом, буду всегда впереди».*

Испытать себя в настоящем бою поэту предстоит еще не скоро, а пока он с успехом постигает воинское искусство. *«Лермонтов был довольно силен, — вспоминал его товарищ Александр Меринский, — в особенности имел большую силу в руках и любил состязаться в том с юнкером Карачинским, который известен был по всей школе как замечательный силач...»* В очередной раз, когда друзья на спор гнули шомполы гусарских карабинов, в залу вошёл директор школы генерал Шлиппенбах. За порчу казенного имущества оба силача отправились на сутки под арест.

Военные традиции продолжали и другие представители лермонтовского рода. В одно время с поэтом в рядах русских войск несло службу еще несколько офицеров с той же фамилией. Среди его кузенов имелись адмирал и три генерала, а его четвероюродный племянник, впоследствии полный генерал, Александр Михайлович Лермонтов в ходе русско-турецкой войны отличился при освобождении болгарского города Бургаса в 1878 году. За годы военной карьеры он был награжден золотым оружием «За храбрость» и четырнадцатью орденами. Одна из улиц Бургаса названа его именем. Знаменитый российский премьер-министр-реформатор Петр Аркадьевич Столыпин приходился поэту троюродным братом.

Почти на всех портретах Лермонтов изображен в военной форме. Таким же он предстает и в памятниках в Пятигорске и Петербурге, Москве и Пензе, многих других городах. Принято считать, однако, что ни один портрет Лермонтова, взятый отдельно, не дает реального представле-

ния о его внешнем облике. Современники находили, что на портретах поэт «польщен». Художник же М.Е. Меликов, хорошо знавший Михаила Юрьевича с детства, признавался, что *«никогда не в состоянии был бы написать портрета Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица»* и что, по его мнению, *«один только К.П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды...»* Сам Брюллов высказался по этому поводу довольно сдержанно, если не сказать — прохладно. *«Физиономия заслоняет мне его талант, — признавался великий мастер. — Я, как художник, всегда прилежно следил за проявлением способностей в чертах лица человека; но в Лермонтове я ничего не нашел».*

Надо полагать, еще большие трудности вызвала бы у скульптора попытка передать в материале «неправильности» фигуры поэта. Суммируя впечатления современников, можно сказать, что Лермонтов был невысокого роста, «приземистый», с несоразмерно большой головой и широким туловищем, кривоногий, в чем, вероятно, сказывались и последствия тяжелой травмы, полученной в манеже: правая нога была тогда сломана ниже колена, «и ее дурно срастили». По словам Шан-Гирея, в Школе Лермонтов носил прозвание Маёшки — от M-r Maueux, горбатого и остроумного героя давно забытого шутовского французского романа. Отмечают также его гордую, непринужденную осанку и «необыкновенную гибкость движений».

В ноябре 1834 года Лермонтов был выпущен из Юнкерской школы корнетом

в лейб-гвардии Гусарский полк и 7 декабря в Портретной галерее Зимнего дворца принес присягу «на верность службы». Лейб-гусары стояли в Царском Селе, несли караульную службу во дворце, участвовали в придворных церемониях и празднествах. Еще недавно, мечтая об офицерских эпохегах, Лермонтов представлял свою будущую «восхитительную» жизнь, как череду «чужаеств, шалоств всякого рода и поэзии, залитой шампанским». Что касается шалоств и чужаеств, то есть здесь и доля истины, и доля гусарской бравады. Если говорить о поэзии, то вместо шампанского лучше вспомнить «железный стих, облитый горячьей и злоствью».

За стихотворение «Смерть поэта» Лермонтову пришлось расплачиваться ссылкой. Автора «непозволительных стихов» государь посчитал помешанным. Изъяв бумагаи, молодого офицера посадили в Главном штабе под арест. Дело могло кончиться плохо: солдатский мундир в подобной ситуации уже довелось примерить московскому студенту Александру Полежаеву. В наказание царь велел перевести Лермонтова из гвардии тем же чином в армейский Нижегородский драгунский полк, расквартированный в Грузии.

Покидая Петербург, поэт передал в журнал «Современник» свое «Бородино» — первое стихотворение, которое решил отдать в печать, и, если бы его поэтическая карьера на этом прервалась, то и того бы достало, чтобы каждый из нас теперь мог без труда процитировать строки о сожженной пожаром Москве и отступивших басурманах. Описав главную национальную битву, под-

робности которой были известны ему лишь по рассказам, Лермонтов отправился к полям новых сражений, где теперь ему самому предстояло пролить кровь, свою или чужую. «Вот затрещали барабаны...» — это были барабаны судьбы.

«И ВЛЁК ЗА НИМ АРКАН ПЕТУЧИЙ МЛАДОГО ПЛЕННИКА...»

На Кавказе Лермонтов побывал еще в детские годы. Сюда, к целебным кавказским ключам, его привозила бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева. В Пятигорске, у самого подножия Горячей горы, вблизи источников, располагалась усадьба ее родной сестры Екатерины, по мужу Хастатовой. Побывали бабушка с внуком и в имении Хастатовых — Шелкозаводском, на левом берегу Терека. На правом же — находились еще незамиранные чеченские аулы. Здесь начинающий поэт узнал много интересного: о казаках, горцах, ночных набегам и отчаянных схватках, услышал имя грозного «проконсула Кавказа» — генерала Ермолова. Все это давало пищу фантазии. Из-под пера Мишеля вылились первые кавказские поэмы: сначала «Черкесы», а потом и «Кавказский пленник».

Пушкин совершил поездку на Кавказ в 1820 году. Известно, что его «Кавказский пленник» получил в обществе ошеломляющий успех и вызвал волну подражаний. Правда, реку, в которой тонет черкешенка, Пушкин не удостоил названием, так как Терек к тому времени ещё не видел и проявил тут понятную осторожность,

упомянув его только в эпилоге, где возвращался к событиям недавней ещё военной истории и славил победы русского оружия. Подкумок же, на берегу которого он часто сживал с Александром Раевским, был тогда читателю совершенно неизвестен и совсем не походил на быструю и глубокую реку с пенными волнами, описанную в поэме.

Юный Лермонтов позаимствовал у своего литературного кумира не только название поэмы. Он воспользовался и сюжетной канвой пушкинского оригинала, сумев к тому же исправить, так сказать, географическую неадекватность изображенной там ситуации. Его «Кавказский пленник» хотя и представляет собою даже не подражание, а ученическую попытку переписать заново, на свой манер, пушкинский текст, но в географическом смысле возвращает ситуацию на её законное место: Лермонтов, сообразно имевшимся личным впечатлениям, перенёс действие поэмы на пограничный Терек, разделивший череду казачьих станиц на левом берегу и чеченские аулы на правом. Пленник, правда, находится (как и в пушкинской поэме) в неволе у черкесов, но так в те времена часто называли всех горцев вообще, в дальнейшем же подобных этнографических абстракций Лермонтов избегал. Название Терека он упоминает в тексте шесть раз, описывая при этом, как черкесы преодолевают его бурное течение — верхом или вплавь «на верном тулуке». Для русского пленника река — непреодолимая преграда, отделяющая его от желанной свободы:

Хотя цепями скован был,
Но часто к Тереку ходил.
И слушал он, как волны воют,
Подошвы скал угрюмых роют,
Текут, средь дебрей и лесов...

В тексте военный статус пленника (равно у Пушкина) никак не обозначен, но известен детский рисунок Лермонтова, вклеенный в рукопись поэмы, — прекрасная автоиллюстрация, на которой изображён черкес Гирей, скачущий среди гор и влекущий на аркане русского в военной форме:

Вдруг пыль взвилася над горами,
И слышен стук издалека;
Черкесы смотрят: меж кустами
Гирея видно, ездока!

Он понуждал рукой могучей
Коня, подталкивал ногой,
И влѣк за ним аркан летучий
Младого пленника...

Примечательно, что художники-иллюстраторы — к Пушкину ли, к Лермонтову — тоже не раз изображали пленника в мундире, а то и с эполетами на плечах. Развязку сюжета Лермонтов переписал по-своему: если у Пушкина пленник, переплыв реку, обретает свободу, а черкешенка топится в отчаянии от разлуки с ним, то у Лермонтова пленник, с цепью, распиленной черкешенкой, и вооруженный кинжалом, при попытке к бегству застрелен ее отцом, сама же она после этого кончает жизнь в волнах Терека. Дальняя перспектива «Героя нашего времени» отсюда пока

не видна, не все персонажи еще в сборе, да и будет там всё совершенно иначе: не черкешенка освобождает русского офицера, а он, напротив, подстраивает ее похищение и держит у себя в плену.

Свои соображения к развитию сюжета (правда, несколько запоздалые) высказывал и основоположник темы. В 1822 году в черновом письме к Гнедичу Пушкин набросал возможные пути к дальнейшей романизации недавно законченной поэмы: *«Легко было бы оживить рассказ происшествиями, которые сами собою истекали бы из предметов. Черкес, пленивший моего русского, мог быть любовником молодой избавительницы моего героя — вот вам и сцены ревности, и отчаянья прерванных свиданий и проч. Мать, отец и брат могли бы иметь каждый свою роль, свой характер — всем этим я пренебрег, во-первых, от лени, во-вторых, что разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, когда обе части моего Пленника были уже кончены — а сызнова начать не имел я духа».*

Этот предположительный, конспективный, а в некоторых деталях буквально точный план лермонтовской «Бэлы» говорит лишь о том, что будущий (пока только тринадцатилетний!) автор «Героя», переписывая на свой лад пушкинского «Пленника», то есть следуя ходу мысли своего литературного патрона, легко угадывал грандиозный сюжетный потенциал его замысла. Вспомним, что действие «Бэлы» происходит за Терекком, в роли «ездока» выступает любящий Бэлу Казбич; присутствуют на сцене также отец и брат героини.

ни. Что касается происшествий, которые «сами собой истекали бы из предметов», то автора повести едва ли возможно упрекнуть в «бедности изобретения». Сам Пушкин признавал, что его «поэму приличнее было бы назвать “Черкешенкой”». Как видим, Лермонтов и здесь попал в самую точку.

«Я СДЕЛАЛСЯ УЖАСНЫМ БРОДЯГОЙ...»

В первых числах мая 1837 года Лермонтов прибыл в Ставрополь. Город возник как один из пунктов Азово-Моздокской укрепленной линии, указ об учреждении которой был подписан Екатериной II еще в 1777 году. Летом 1826 года проездом в Грузию, где началась война с персами, в Ставрополе побывал знаменитый поэт-партизан Д.В. Давыдов, тогда — генерал-майор кавалерии. Об областном городе вспоминает в первой главе «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкин: *«В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были всё те же, всё на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи».*

В Ставрополе находился штаб войск Кавказской линии, командовал которыми старый ермоловец генерал А.А. Вельяминов. Начальником штаба служил генерал Павел Иванович Петров, «любезный дядюшка», то есть муж двоюродной тетки Лермонтова. Предполагалось, что поэт примет участие в военной экспедиции за Кубанью: любое проявление доблести под пулями горцев,

могло послужить поводом к его прощению и возвращению в Петербург.

В дело вмешался случай: в дороге Лермонтов простудился, попал в Ставрополе в военный госпиталь, а лето провел не за Кубанью в жарких стычках с горцами, а на горячих водах в Пятигорске. *«Я приехал на воды весь в ревматизмах, — писал он отсюда другу, — меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить — в месяц меня воды совсем поправили...»*

Окончив курс лечения на водах, поэт с наступлением осени отправился на побережье Черного моря, в свой драгунский эскадрон. Но боевые действия были уже остановлены, и войска готовились к встрече императора Николая. *«Я приехал в отряд слишком поздно, — с огорчением сообщал Лермонтов, — ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два, три выстрела... я сделался ужасным бродягой, а право я расположен к этому роду жизни».* 29 сентября в укреплении Ольгинском он получил предписание следовать в свой полк и подорожную «до города Тифлиса».

Осенью того же 1837 года инспекторскую поездку по Кавказу совершил государь. Посетив Геленджик и Анапу, он высадился на берег в Редут-кале (район Поти). В штабе Кавказского корпуса, между тем, заблаговременно была учреждена особая комиссия, уполномоченная обеспечить безостановочный проезд императора по намеченному маршруту. Спешно приводились в порядок дороги; встречать Николая в Редут-кале отправился командир корпуса барон Г.В. Розен. Проехав Зугдиди, Ку-

таис, Сурам, Боржомское ущелье, государь оказался в пределах Армении, где посетил древний монастырь Эчмиадзин, а потом отправился в Эривань, откуда проследовал в древнюю столицу Грузии.

Императорский вояж прошел не без пользы для поэта: 11 октября 1837 года в Тифлисе во время пребывания там Николая был отдан высочайший приказ о переводе «прапорщика Лермантова Лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк корнетом». Решающую роль в прощении и возвращении его в гвардию сыграл, как ни странно, шеф жандармов граф А.Х. Бенкендорф. В письме родственника поэта — А.И. Философова по этому поводу сообщалось следующее: «...граф Орлов сказал мне, что Михайло Юрьич будет наверное прощен в бытность Государя в Анапе, что Граф Бенкендорф два раза об этом к нему писал и во второй раз просил доложить Государю, что прощение этого молодого человека он примет за личную себе награду; после этого, кажется, нельзя сомневаться, что последует милостивая резолюция...»

Большое кавказское приключение подходило к концу. Той осенью Лермонтов исколесил сто дорог, — как признавался сам, «изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани»; был в Тифлисе, в Кахетии и Азербайджане, а возвратный путь на север проделал по Военно-Грузинской дороге.

Несколько раз он подвергался опасности пленения. «Два раза в моих путешествиях, — писал он Святославу Раевскому, — отстреливался: раз ночью мы ехали

втроем из Кубы, я, один офицер нашего полка и черкес (мирный, разумеется), и чуть не попались шайке лезгин». Позднее в его странствиях был еще случай, когда поэт едва ушел от настигающей его погони. По рассказу журналиста и издателя А.А. Краевского, Лермонтов подарил ему свой кинжал, которым однажды отбивался «от трех горцев, преследовавших его около озера между Пятигорском и Георгиевским укреплением. Благодаря превосходству своего коня поэт ускакал от них. Только один его нагонял, но до кровопролития не дошло. — Михайлу Юрьевичу доставляло удовольствие скакать с врагами на перегонку, увертываться от них, избегать перерезывающих ему путь». Рассказ этот подтверждают и воспоминания кавказского офицера П.И. Магденко, попутчика в одной из поездок поэта. По его словам, Лермонтов «указывал нам озеро, кругом которого он джигитовал, а трое черкес гонялись за ним, но он ускользнул от них на лихом своем карабахском коне».

Подводя итог затянувшейся кавказской одиссеи, поэт заметил: «Здесь, кроме войны, службы нету», и справедливость этих слов ему впоследствии довелось в полной мере испытать на собственном опыте. Он еще очень молод (ему только 23 года) и полон планов, хочет ехать в Мекку, в Персию или проситься в экспедицию в Хиву с генералом Перовским. Ехать всё же пришлось под Новгород — к новому месту службы. В гродненских гусарах поэт прослужил недолго, числился на лицо менее двух месяцев, дважды получал отпуск по 8 суток и выезжал в Петербург. Вскоре

хлопоты бабушки увенчались успехом: внука удалось вернуть в родной для него лейб-гвардии Гусарский полк.

«ПОНА РУССКИЕ БУДУТ ГОВОРИТЬ РУССКИМ ЯЗЫКОМ...»

Сезон 1837 года на Кавказских водах выдался на редкость удачным, а в литературном смысле даже перспективным: этим летом Белинский познакомился в Пятигорске с Лермонтовым и впоследствии мог по личным наблюдениям судить о реалистических достоинствах «Княжны Мери».

На Кавказе Лермонтов задумал цикл повестей, связанных между собой общим героем. Большой крови он ещё не видел, и война в его романе проходит только приглушенным фоном. Мужские персонажи здесь в большинстве офицеры Кавказского корпуса. О Максиме Максимыче мы знаем, что служить он начал еще при Ермолове, получив при нем два чина за дела против горцев. Лет десять он стоял с ротою в Чечне, в крепости за Тереком, у Каменного Брода. С Грушницким главный герой успел побывать в экспедиции; в действующем отряде тот получил ранение пулей в ногу. В Пятигорске у источника Печорин замечает, что «несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, бледные, грустные».

Боевые действия не затрагивают, разумеется, района Горячих или Кислых вод, но дыхание близкой войны ощутимо и здесь: это и казаки на сторожевых вышках в степи и пикетах, и часовые на валу кисловод-

ской крепости. Ночная стычка Печорина с Грушницким и драгунским капитаном, получившим удар по голове кулаком, а потом и поднятая ужасная тревога с криками и ружейной пальбой — все это спровоцировало в городе толки о нападении черкесов. «Многие, — иронически замечает в дневнике Печорин, — вероятно, остались в убеждении, что если б гарнизон показал более храбрости и поспешности, то по крайней мере десятка два хищников остались бы на месте». Вспомним, что и убитого на поединке Грушницкого условлено отнести «на счет черкесов». Тема оружия то и дело мелькает на страницах «Героя», играя важную роль в ряде ключевых эпизодов, да и кончается все повествование рассуждением Максима Максимыча об особенностях черкесских винтовок и шашек.

Имея в виду современные читательские запросы, роман можно бы представить и как «криминальное чтиво»: четыре убийства (Бэлы, ее отца — старого князя, Грушницкого и Вулича), ряд покушений (главного героя, например, сначала хотят утопить в Черном море, потом подло, то есть практически безоружного, застрелить на дуэли, а когда это не удастся, Грушницкий грозит зарезать его ночью из-за угла, и, наконец, пуля пьяного казака в «Фаталисте» срывает ему с плеча эполет). Молодую девушку, Бэлу, похищают и склоняют к сожителству, потом похищают вновь и убивают ударом кинжала. Еще контрабанда, кражи, подслушанные заговоры, погони... К тому же повествование построено так, что автор-рассказчик буд-

то проводит следствие: опрашивает очевидцев, раскапывает «компромат» в виде интимных записок героя, а при личной встрече с ним составляет его словесный портрет.

Тут следует вспомнить, что начинался роман когда-то с тифлисской главы. Во всяком случае, сохранился листок, исписанный лермонтовской рукой, начинающийся словами «Я в Тифлисе» и содержащий план повести, действие которой протекает в различных местах грузинской столицы. Повествование ведется, как и в дневнике Печорина, от первого лица, а именно от лица служащего на Кавказе русского офицера. набросок этот, в двадцать пять строк, и есть, скорее всего, самый ранний творческий импульс к написанию «Героя нашего времени». Как бы там ни было, И.Л. Андроников, внимательно изучивший этот отрывок, пришел к выводу, *«что из записки “Я в Тифлисе” родились сюжеты обеих повестей — и “Тамани” и “Фаталиста” — и что эта записка представляет собой самый первоначальный план записок Печорина»*.

Едва приметные отголоски этой задуманной, но не осуществленной Лермонтовым тифлисской главы сохранились в окончательном тексте романа. Максим Максимыч, завершая свой рассказ о Печорине, замечает, что месяца три спустя после гибели Бэлы тот был назначен в егерский полк и уехал из Чечни в Грузию. Встретив же какое-то время спустя своего старого приятеля во Владикавказе, Максим Максимыч опять-таки говорит ему, что думал найти его в Грузии, вновь

соотнося какие-то оставшиеся не известными нам события с пребыванием Печорина в этом краю. Что именно там могло происходить, становится известно из лермонтовского наброска.

Русский офицер в поисках любовного приключения увязывается за грузинкой. Она обещает ему свою благосклонность, но требует за это вынести из ее дома труп. Герой бросает покойника в Куру, предварительно сняв с него кинжал. Потом ему делается дурно, его находят в беспамятстве и относят на гауптвахту. Где находится дом грузинки, он забыл. Тогда кинжал предъявляют оружейнику Геургу, который говорит, что делал его для русского офицера. От денщика офицера узнают, что тот долго ходил по соседству к одной старухе с дочерью, но дочь вышла замуж, а через неделю офицер пропал. Таким образом, история с загадочным мертвецом объяснилась, но опасные похождения нашего героя еще не окончены. Грузинка и ее муж выслеживают его. Ночью муж нападает на него и пытается сбросить с моста, но офицер опережает его в этом намерении. Как видим, и здесь в развитии сюжета главенствует детективный элемент: два убийства, покушение на убийство, сокрытие следов злодеяния, слежка, поиски места преступления, опрос свидетеля и даже вещественная улика, которая приводит к разгадке, — кинжал убитого офицера, опознанный оружейным мастером.

На первых же страницах своего пятигорского дневника, набрасывая психологический абрис Грушницкого, Печорин предрекает уже и роковую развязку их

отношений: «Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать». Дальнейшее развитие событий претворяет этот прогностический тезис в жизнь или, в данном случае лучше сказать, в смерть. Антагонизм героев по ходу сюжета достигает высшей, буквально экстремальной степени. «Нам на земле вдвоем нет места...» — говорит Грушницкий за мгновение до того, как с пулею в груди навсегда исчезнуть с уступа отвесной скалы. Дуэль (как действие) была для прозы тех времен ситуацией почти неизбежной, обойтись без нее в «Герое» Лермонтов не мог. Но поединок с Грушницким лишь частный случай той круговой конфронтации, которая и составляет сущность отношений Печорина с другими персонажами романа.

В «Тамани» он выдерживает опасную схватку с ундиной в лодке, когда ее сильный толчок едва не сбрасывает его в море. Действия противоборствующих сторон или, словами героя, «отчаянная борьба» достигает здесь «сверхъестественных усилий». Из удовольствия, как говорит Печорин, подчинять своей воле всё, что его окружает, он затевает и свой притворный роман с Мери, легко переиграв в психологическом поединке наивную московскую княжну. Дикарка Бэла — пленница русского офицера и находится в русской крепости. Поступки Печорина тут более всего напоминают правильную осаду. Согласно комментарию Максима Максимыча, «долго бился с нею Григорий Александрович». Потом, этот странный спор о предопреде-

лении с Вуличем, метафизический поединок, когда один из противников ставит на кон двадцать червонцев, а другой собственную жизнь. Разве что доктор Вернер не захвачен конфронтацией, но он — доверенное лицо героя, его секундант. Да Максим Максимыч, заведомо отдавший себя воле победителя: «Что прикажете делать? Есть люди, с которыми непременно должно соглашаться».

Враждебные отношения Печорина и Красинского в неоконченной «Княгине Лиговской» также, предположительно, должны были разрешиться дуэлью. В «Маскараде», «Казначейше» и «Штоссе» поединок ведется за карточным столом. О «Калашникове» за очевидностью ситуации можно, кажется, только упомянуть. Одна из самых впечатляющих сцен в поэме «Мцыри» — бой с барсом. Противники, человек и зверь, принадлежат разным мирам, но «упоение в бою» уравнивает их. Звериный статус барса несколькими штрихами легко дезавуирован («Он застонал, как человек...», «Он встретил смерть лицом к лицу...»). Мцыри в то же время осознает себя в схватке более зверем, чем человеком:

Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я...

В череде испытаний, посланных автором своему герою, бой с барсом — высшее, самое драматичное, хотя эпизод, кажется,

и не предопределен логикой сюжета; это поединок в чистом виде, турнирный или, если угодно, даже ритуальный. Вся изложенная картина наводит на мысль уже о способе художественного мышления Лермонтова, коренящемся в свойствах его личности. Перескакивая через многочисленные признания современников о несносном, трудном, дурном характере поэта, напомним читателю лишь одно, принципиально важное, высказывание А.И. Герцена: *«В отличие от Пушкина Лермонтов никогда не искал мира с обществом, в котором ему приходилось жить: он смертельно враждовал с ним — вплоть до дня своей гибели».*

В частной жизни Лермонтов был столь же неуступчив. Современник передает рассказ Н.П. Колюбакина, кавказского знакомого Лермонтова (впоследствии генерала, а в то время молодого офицера; многие видят в нем прототип Грушницкого): *«Колюбакин рассказывал, что их собралось однажды четверо, отпросившихся у Вельяминова недели на две в Георгиевск, они наняли немецкую фуру и ехали в ней при okazji, то есть среди небольшой колонны, периодически ходившей из отряда в Георгиевск и обратно. В числе четверых находился и Лермонтов. Он сумел со всеми тремя своими попутчиками до того перессориться на дороге и каждого из них так оскорбить, что все трое ему сделали вызов, он должен был наконец вылезть из фургона и шел пешком до тех пор, пока не приискал ему казаки верховой лошади, которую он купил. В Георгиевске выбранные секунданты не нашли возможным допустить подобной дуэли:*

троих против одного, считая ее за смертоубийство, и не без труда уладили дело примирением, впрочем, очень холодным».

Знаменитый бретер Руфин Дорохов (его историю записал А.В. Дружинин) поведал, как при первом знакомстве с Лермонтовым дело у них тоже едва не дошло до дуэли: *«На каком-то увеселительном вечере мы чуть с ним не посчитались очень крупно, — мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьет и смотрит на меня насмешливо».*

19 февраля 1840 года чиновник Петербургского цензурного комитета Петр Корсаков закончил чтение рукописи, представленной молодым гвардейским офицером. Вещица эта с несколько претенциозным названием была Петру Александровичу знакома и раньше: именно он цензуровал столичный журнал «Отечественные записки», где роман печатался по частям. Речь там шла о любовных похождениях одного кавказского офицера, не более того, и с политической стороны все обстояло вполне благонадежно. Вымарав проформы ради несколько строчек, где автор имел слишком смелое суждение о делах потусторонних, Корсаков сделал пометку: «Печатать позволяется» и отложил перо в сторону. Тревожно заныло, затрепетало чувствительное цензорское сердце. И — не обмануло. Выпущенное в свет сочинение в типографии Ильи Глазунова отпечатали быстро: в середине апреля первая тысяча экземпляров появилась на прилавках. А вскоре книга легла на стол высочайшего цензора всей России — государя императора Николая Павловича...